

даже при новой экономической политике» [18, л. 10] Центральное место в курсе коренизации занимала культурно-просветительская деятельность национальной интеллигенции.

Таким образом, можно констатировать, что коренизация в Крыму не случайно приобрела форму татаризации и использования в делопроизводстве крымскотатарского языка. Во-первых, крымские татары в 1921 году составляли около 25% общего количества жителей полуострова. Иные национальные группы были или малочисленны (крымчаки, караимы, греки) или политически пассивны (армяне) либо власти относились к ним враждебно или с недоверием (немцы). Политически активным являлось только еврейское население Крыма. Оно обладало опытом участия в политической жизни и многопартийностью. Во-вторых, крымские татары обладали опытом многолетней государственности и естественным бы выглядело её восстановление. В-третьих, Февральская революция в России пробудила активность многих тюркских народов бывшей империи, а крымские татары являлись органичной частью тюркского мира.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Новохатько, Л.М. Національний аспект доктрини «соціалістичної реконструкції» (Спроба історико-теоретичного переосмислення) / Л.М. Новохатько – Київ, 1997. – 110 с.; Кузьменко В.Б.

Міжнародні відносини в Радянській Україні (1917-1939 рр.): правові аспекти. – Одеса, 2009. – 810 с.

2. Государственный архив Автономной Республики Крым (ГААРК) – Ф. П.-150. – Оп.1. – Д.167. – Л.15.
3. Там же. – Ф. П.-1. – Оп. 1. – Д. 194. – Л. 4.
4. Там же. – Д. 63. – Л. 325.
5. Там же.
6. Крымский архив. – 1996. – № 2. – с. 90.
7. ГААРК. – Ф. П.- 1. – Оп. 1. – Д. 102. – Л. 20.
8. Султан-Галиев М. Избранные произведения. – Казань: Гасырлар авазы, 1998.
9. ГААРК. – Ф. П.-1. – Оп. 1. – Д. 102. – Л. 69.
10. Там же. – Л. 73.
11. Там же. – Л. 75.
12. Там же. – Д. 57. – Л. 12.
13. Там же. – Д. 102. – Л. 49.
14. Там же. – Д. 62. – Л. 18.
15. Там же. – Д. 194. – Л. 5.
16. Там же. – Д. 195. – Л. 9.
17. Там же. – Л. 10.

Материал поступил в редакцию 25.10.10

KONDRATIUK G.N. Rooting in Crimea per first half 1920 years (political aspect)

Clause is devoted to one of complex and urgent problems – questions of national self-determination in conditions of the polyethnic state. The historical aspect, chosen by the author, of a problem – process the rooting Crimean tatar per first half 20 – opens essence of the given problem.

Clause opens political aspects of creation of independent Soviet republic in Crimea as from the point of view of realization of national interests Crimean tatar, and in view of political interests of the Soviet authority in Crimea.

In clause the theoretical approaches to a question of creation of independent republic in Crimea, ideological aspects of this problem are analysed. Especially in details considers a position M. Sultan-Galiev, which allocates as the basic theorist of the decision of a national question in Crimea.

УДК 316.324.4:323.269.6(476)

Карпович О.В.

УЧАСТИЕ ДВОРЯНСТВА БЕЛАРУСИ В ВОССТАНИИ 1830–1831 гг.

Введение. При исследовании социально-сословного состава восстания 1830–1831 гг. на территории Беларуси отечественными специалистами (в данном случае имеются в виду российские и белорусские ученые) практически не принимались в расчет материалы белорусских архивов в Гродно и Минске. В данной статье на основе материалов Национального исторического архива Беларуси в Минске и Гродно, многочисленных опубликованных источников, проводится комплексное исследование участия всех слоев дворянства и шляхты в восстании на территории современной Беларуси. Многие данные, указанные в статье, представлены на основе личных подсчетов автора и вводятся в научный оборот впервые.

На протяжении долгого времени вопрос о социально-сословном составе участников восстания 1830–1831 гг. был забыт в белорусской исторической науке XX в., а ведь это наиболее важный ключ к пониманию всего характера восстания. Лишь в 60–70 гг. прошлого столетия были предприняты попытки российских историков разобраться в характере движущих сил восстания, в том числе и на территории Беларуси. Однако в своих работах они опирались лишь на материалы «Алфавитных списков» канцелярии Военного министерства, т.е. данные РГВИА, не учитывая аналогичные списки, хранящиеся в белорусских архивах. В последнее время появился ряд качественных белорусских исследований по сословному составу участников восстания, среди которых особого внимания заслуживают работы О.В. Горбачевой. Но, к сожалению, при определении общего количества повстанцев 1831 г. в Беларуси, она также опиралась на материалы российского архива. Между тем, как показала практика, данные российского и белорусских архивов существенно отличаются.

На территории Российской империи дворянский слой составлял лишь незначительный процент от общего числа населения, однако он находился в самом привилегированном положении, пользуясь фактически неограниченными правами и влиянием. Не исключением являлось и белорусское дворянство, которое после раздела Речи Посполитой было уравнено в правах с российским. На территории Беларуси существовала и такая разновидность дворянства как шляхта. Как правило, власти называли шляхтой лиц, не имеющих земельной и какой-либо другой собственности и не представивших документы о своем дворянском происхождении.

Первым из белорусских земель участие в восстании принял Ошмянский уезд **Виленской губернии**. Подготовка к восстанию в здесь велась еще с января 1831 г., где представители уездной элиты собирались в Оранах – имении председателя Ошмянского суда и крупного помещика Порфирия Важинского, которого и назначили уездным повстанческим начальником [3, с. 65]. Здесь же был образован «Комитет для управления военно-гражданскими делами», в состав которого вошли представители имущего дворянства, прежде всего помещики и отставные офицеры польской и русской армии [32, с. 9–11]. Активное участие в вооруженной борьбе в Ошмянском уезде приняли адвокат Вацлав Янковский, заседатель уездного суда Казтан Ленартович [10, л. 4]. Председатели Ошмянского и Вилейского межесудов Аврелий Дмоховский и Станислав Ванькович вошли в состав Ошмянского повстанческого комитета [3, с. 66–68].

В общей сложности в данный комитет входил 31 человек (сословный состав установлен у 22-х): 11 помещиков, 7 дворян (без указания в источниках их рода занятий), 2 адвоката, по одному чи-

Карпович Олег Валерьевич, ассистент кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

новнику и крестьянину [3, с. 65–68; 32, с. 9–11, 15–16].

В Гродненской губернии восстание началось в апреле 1831 г. с выступлением отрядов, формировавшихся в Беловежской пушце. Однако подготовка к нему велась еще с зимы в самом губернском городе, буквально под носом у властей. Как свидетельствуют официальные документы, в состав «главных мятежников» Гродненской губернии входили 19 человек (12 помещиков, адвокат, 4 чиновника, стражник Беловежской пушцы и камердинер), еще 25 человек (18 помещиков, 2 чиновника, землемер, 2 служащих помещичьих имений и 2 человека неустановленного сословия) «оказывали влиятельное содействие и помощь». Возглавлял эту организацию личный секретарь гродненского губернатора Томаш Красковский, в которую в числе прочих входили люди, одно имя которых говорит само за себя: брестский и новогрудский уездные предводители дворянства Карл Немцевич и Юзеф Кашиц, отставной генерал польской армии граф Тадеуш Тышкевич, графы Александр Бнинский, Адам Солтан (сын бывшего предводителя дворянства Лидского уезда), граф А. Велепольский, помещики Пусловские [10, л. 211–222]. Другой представитель «золотого дворянства», отставной корнет Александрийского гусарского полка Титус Пусловский на формирование собственного отряда получил от своего отца, действительного статского советника Войцеха Пусловского, 200 тысяч злотых. С добавлением к этой компании богатейших магнатов – графов Людвиг и Михаила Пацев, князей Евстафия, Ксаверия и Льва Сапег, можно сделать вывод, что элитное дворянство Гродненской губернии активно участвовало в восстании. Примечательно, что Карл Немцевич, Юзеф Кашиц и Адам Солтан были вызваны в Гродно еще в декабре 1830 г. и формально находились под полицейским надзором.

СOLIDНУЮ финансовую помощь Юзефу Кашицу в подготовке восстания в Новогрудском уезде оказывал гродненский гражданский губернатор М.Т. Бобятинский. Земские уездные чиновники Гродненской губернии уничтожали следственные дела на дворян, участников восстания [3, с. 140].

Активность в восстании проявила также учащаяся молодежь Гродненской губернии. Так, 8 марта 1831 г. в Свислочи местными гимназистами был составлен и развешан по всему местечку акт с призывом к борьбе [3, с. 139]. В Новогрудском уезде в отряды сбежало 13 учеников Доминиканского училища в возрасте от 13 до 18 лет, которые были освобождены от занятий и распущены по домам по причине эпидемии холеры, прокатившейся в это время по Европе [11, л. 14–19]. Чиновники также не остались в стороне. Так, в отряды ушли судья Гродненского уездного суда Яблонский, бывший почетный смотритель училищ Волковысского уезда Станислав Радовицкий, гродненский губернский судья Константин Пилецкий и др. [12, л. 2–3].

В Минской губернии наиболее серьезно восстание развернулось в Вилейском и Дисненском уездах, где местные повстанческие комитеты возглавили влиятельные и авторитетные помещики: предводитель дворянства Вилейского уезда Ипполит Гецевич и бывший дисненский предводитель дворянства Ромуальд Подбипента, которые стали активно склонять на свою сторону окрестных помещиков. Так, ополчение Вилейского уезда возглавил бывший предводитель дворянства Станислав Радзишевский, в Дисненском уезде эти функции принял на себя крупный помещик Валентин Брохоцкий. Членами Дисненского комитета, кроме прочих, стали сплошь представители титулованных родов: граф Август Бржостовский, граф Антоний Ширин, кавалерию возглавил граф Михаил Храповицкий. Позднее к ним добавились в числе 18 юнкеров Динабургской школы прапорщиков графы Фердинанд и Люциан Плятеры. Немалую помощь в организации повстанческого комитета Дисненского уезда и начального периода восстания оказали владельцы имения Лужки, граф Цезарь Плятер с женой Эмилией. Как затем показывал на следствии один из инициаторов создания комитета, ксендз пиарского монастыря в Лужках Адам Татур, деньги на восстание собирались от помещиков по 30 коп. серебром. В общей сложности удалось собрать около 2000 рублей серебром, затем добавилось еще 300 рублей серебром. «Более всех пожертвовали Валентин Брохоцкий, Иероним Косов, Самуило Подбипента, Антоний Корсак. Граф Тизенгаузен ... дал оружие и людей вилейскому повстанью» [7, с. 490–494]. Упомянутый

граф Константин Тизенгауз был назначен военным начальником Поставского ключа Дисненского уезда [13, л. 43].

Помимо названных лиц, активную помощь финансовыми средствами повстанцам оказывали представители таких магнатских родов, как помещик Минской и Виленской губерний князь Михаил Радзивилл, владелец ряда имений в Минской и Волынской губерниях князь Гавриил Огинский, помещик Могилевской, Минской и Волынской губерний князь Генрих Любомирский [14]. Владелец имений в Пинском уезде князь Грациан Друцкий-Любецкий служил в польской армии рядовым (!) 4-го егерского полка и был убит в одном из сражений против русских войск [4, с. 134]. Бывший минский губернский предводитель дворянства граф Храповицкий «возмущал окрестных помещиков, шляхту и крестьян», распространяя слухи, что «шведы идут на Петербург, турки готовы вступить в пределы России, а сама русская армия переходит на сторону поляков» [15, л. 114об].

Минское губернское чиновничество и интеллигенция весьма активно откликнулись на события восстания, организовав как подписание населением различных актов повстанческой администрации, так и прямо агитируя жителей губернии за вступление в ополчение. Могилевский, а затем и гродненский губернатор М.Н. Муравьев, писали, что лица, «называющимися дворянами, как то: экономами, комиссарами, писарями-официалистами, адвокатами, пленipotентами и прочими составляли злостные мятежные скопища... Адвокаты, регенты, пленipotенты и прочие были разносителями мятежных новостей и приглашений, и вообще с разоренными владельцами, приговаривая всех к бунту, сами входили в состав упорных мятежных скопищ» [1, с. 355]. Так, заседатель Докшицкого участка «передал мятежникам оружие, отобранное крестьянами у своих помещиков» [15, л. 194]. Пинские чиновники также были «весьма наклонны к мятежу и нерасположены к России» [2, с. 308].

Не отставали от своих старших коллег ученики уездных гимназий и училищ. Практически в полном составе участие в восстании приняли ученики и учителя Молодечненского уездного училища, студенты Виленского университета – уроженцы Минской губернии [14, д. 2–5]. Сам префект Молодечненского училища Иван Дульский передал повстанцам всю кассу училища [14, д. 2, л. 111]. Из Динабургской школы прапорщиков на помощь повстанческому комитету в Лужках прибыло 18 юнкеров. Но, если 10 человек из них владели землей и крестьянами, то у 8 юнкеров никакого недвижимого имущества не оказалось.

Серьезная подготовка к восстанию шла и на востоке Беларуси – в Витебской и Могилевской губерниях. Здесь в подготовке восстания участвовало практически все ведущее дворянство. Так, в Полоцком уезде повстанческим эмиссаром выступил дворянин Цибульский, который вместе с помещиком Соколовским и униатским священником Рохманским проводил активную агитацию в пользу восстания. Лепельские помещики Лускин и Корсак передали в отряды несколько карабинов и обучали военному ремеслу собственных крестьян. В этом же уезде помещики Марцинковский и Сушицкий запасались продуктами для повстанцев [28, с. 378–379]. В состав подпольных повстанческих организаций в Могилевской губернии входили 13 помещиков, 2 шляхтича, 1 дворянин, а в Витебской практически весь цвет дворянского сословия – 26 крупных помещиков, среди которых такие влиятельные и именитые как Умястовский, Родзевич и целая россыпь обладателей графского титула: Борх, Бржостовский, Молль, Плятеры, Шадурский [5, лл. 47–49, 82–83].

Однако власти сыграли на опережение и смогли предотвратить назревающее волнение. Позднее шеф Корпуса жандармов граф А.Х. Бенкендорф писал: «Прежде всего, было обращено внимание на Витебскую и Могилевскую губернии. Главной целью таковой меры было доказать полякам, что эти старинные наши завоевания навсегда нераздельно присоединены к составу империи и что отторгнуть их Польше можно бы только по сокрушении нашей власти» [25, с. 227–228].

Отдельно следует рассмотреть участие шляхты в восстании. Шляхта в первой трети XIX в. являлась разновидностью дворянства. Как отмечает в своем исследовании О.В. Горбачева, шляхта могла делиться на 4 категории: долевые владельцы части деревни, владельцы или арендаторы хуторов с одним-двумя крестьянскими

Таблица 1. Участие белорусского дворянства в восстании 1830–1831 гг.

губерния	дворяне	помещики	гимназ. и студенты	чиновн. и адвокаты	военн.	шляхта	всего	общее кол-во прожив. дворян
Виленская (бел. уезды)	34	31	4	31	3	36	139	9292
Витебская	5	29	–	1	–	–	35	4202
Гродненская	32	135	32	44		150	393	9207
Минская	116	193	54	38	38	69	508	28531
Могилевская	2	13				2	17	9078
Итого / в %	189 / 17,4	401 / 36,7	90 / 8,2	114 / 10,5	41 / 3,7	257 / 23,6	1092	56108

дымами; владельцы или арендаторы ненаселенных земель; безземельные слуги, работавшие по найму, но являвшиеся шляхтичами по происхождению [3, с. 114]. Проще всего выразился насчет шляхты минский губернатор князь Хованский на дворянском собрании: «В Западных губерниях... было сословие шляхты, которого многочисленность, неопределенность прав и повинностей и смешение под сим именем действительных дворян с лицами, ничем права своего не подтвердившего – обращали на себя долгое внимание правительства». Указом от 1824 г. мелкая и средняя шляхта лишалась права на земельные владения, если не предоставила документы, подтверждающие право на владение землей. Стремясь выжить, такая категория вынуждена была идти в приказчики, камердинеры, эконоы, лакеи, стражников лесных угодий, управляющих имениями и т.д. Как отмечали власти, шляхта «не забывая своего происхождения и желая отличаться от простого народа, живет ... в совершенном невежестве и в своем быту представляет малую разницу от крестьян» [6, с. 50].

Как известно, по указу от 19 ноября 1831 г. начался «разбор» беднейшей части шляхты. Лица, не сумевшие подтвердить свое происхождение (предоставить документы о принадлежности к шляхте во времена Речи Посполитой), переводились в податные сословия и в зависимости от места жительства стали называться однодворцами (в деревнях и селах) и гражданами (городские жители).

Например, в Гродненской губернии в течение 1832 г. в категорию однодворцев было переведено: в Брестском уезде 287 душ «мужеска пола», в Волковысском – 511, в Гродненском – 937, в Кобринском – 610, в Лидском – 2362, в Новогрудском – 1593, в Пружанском – 222 и в Слонимском – 535 человек [20, л. 60].

Используя целый ряд материалов Национальных исторических архивов Беларуси в Гродно и Минске, Государственного архива РФ в Москве и уже опубликованные данные, нам удалось установить следующее количество представителей дворянского сословия Беларуси, принявших участие в восстании 1830–1831 гг. (см. таблицу 1). В данную таблицу мы включили, кроме собственно помещиков и немущих дворян, чиновников, учителей, преподавателей и учащихся учебных заведений (гимназисты, студенты), военнослужащих (оставные и действующие офицеры), врачей, адвокатов. Фактически, в первой половине XIX в., все они являлись представителями дворянского сословия [4; 5, лл. 47–49, 82–83; 6, с. 104; 9; 10; 11; 12; 14; 16; 17; 18; 20; 26, с. 89; 29].

Таким образом, в среднем по Беларуси один дворянин – участник восстания приходился на 51,4 своих коллег по сословию (или 1,9 %), что говорит о ничтожной поддержке восстания дворянским слоем Беларуси в целом. По своему социальному положению существенное влияние на восстание оказали помещики и представители шляхты, которые в общей сложности дали 59 % от общего числа участников восстания среди дворянского сословия.

Ещё более впечатляюще выглядит ситуация, связанная с участием помещиков Гродненской губернии в восстании по отдельным регионам, что можно видеть в табл. 2 [16, л. 8–44; 16].

Таблица 2. Качественные показатели участия в восстании помещиков Гродненской губернии

Уезд	Помещики, м.п.		
	Населяло уезд	Уч-ков восстан.	в %
Брестский	151	6	3,9
Волковысский	154	29	18,8
Гродненский	216	5	2,3
Кобринский	236	8	3,4
Лидский	246	10	4,1
Новогрудский	339	41	12,1
Пружанский	152	30	19,7
Слонимский	150	6	4
Итого по губернии	1644	135	8,2

Из данной таблицы можно видеть, что помещики в целом по губернии проявили потрясающую активность в восстании. Так, в среднем один повстанец приходился на 12 человек. В Пружанском и Волковысском уездах в восстании участвовал каждый пятый помещик, в Новогрудском – каждый восьмой.

Стоит отметить, что столь активная позиция значительного числа крупных помещиков, в том числе и представителей титулованной знати была обусловлена, очевидно, и чисто экономическими соображениями. Дело в том, что к 1825 г. значительная часть имений была заложена в российских банках. Самая привилегированная часть общества фактически жила в кредит. Как писал маркиз де Кюстен, император России является «не только первым дворянином своего государства, но и первым кредитором своего дворянства». Очевидно, что к 1831 г. число заложенных имений увеличилось. Так, помещик Дисненского уезда Минской губернии Иосиф Лопатинский, активный участник восстания, имел долгов в общей сложности на 264607 рублей серебром; князь Михаил Радзивилл задолжал банку и другим кредиторам 610983 рубля серебром. При этом годовой доход с их имений не превышал 10–15 тысяч рублей (в зависимости от числа крепостных крестьян) [19, л. 13–14].

После подавления восстания территорию России покинул 51 дворянин (в том числе 47 помещиков) из Гродненской губернии, из Минской губернии сумело бежать за границу 59 дворян (в том числе 40 помещиков) [8, с. 173–176]. Следует отметить, что почти все руководящие слои восстания скрылись за границей. Среди эмигрировавших были князья Чарторыйские и Сапеги, графы Пац, Тышкевич и Солтан, Кароль и Юлиан Немцевичи, Пусловские, Кашиц, братья Клот, Александр Лопатинский, графы Люциан и Фердинанд Плятеры, Станислав Радзишевский, Феликс Кеневич и т.д. Таким образом, практически все родовитое и влиятельное дворянство сумело избежать наказания, за исключением конфискованного у них заочно имущества. Согласно исследованиям А. Радюка, в Гродненской губернии 56 человек лишились 76 земельных владений (с крестьянами) и 4-х домов; в Минской губернии было конфисковано 28 помещичьих и монастырских имений, лидером среди которых стал князь Михаил Радзивилл, потерявший владения в Слуцком и Борисовском уездах с 8172 крестьянами. Граф Пац потерял несколько имений в Лидском и Новогрудском уездах с общим числом в 1590 душ м.п.; у Тадеуша Тышкевича, помимо собственного имения (с более чем двумя тысячами крестьян), было еще конфисковано 9 питейных

домов, 2 трактира, 9 домов в мест. Свислочь, бумажная фабрика, 10 мельниц, театр, торговые ряды в Свислочи, зверинец, множество картин и скульптур. Ликвидированный Березовский Картезианский монастырь лишился 1867 своих крестьян. Князь Евстафий Сапега лишился 7 имений в Виленской, Гродненской и Могилевской губерниях с общим числом в 16777 «крестьянских душ» (10787 крепостных и 5990 свободных) и годовым доходом более 100 тысяч рублей серебром. Одно только его имение Зельва насчитывало 1117 крестьян [22, с. 76; 23, с. 354; 24, с. 11]. Свое родовое имение в Ружанах он осмелительно сумел продать заранее, а вырученные деньги перечислил на нужды восстания [27, с. 63].

Активно дворянство проявило себя и в подготовке восстания. Так, в Вилейской уездной повстанческой организации среди 20 установленных членов, дворян было 19 – 14 помещиков, 2 адвоката, 1 чиновник и 2 дворянина (без указания рода деятельности); в Дисненской уездной из 41 участника, дворян было 36 человек – 10 (без указания рода деятельности), 24 помещика, по одному адвоката и офицера; Гродненскую губернскую организацию представляло 19 человек, из которых 17 дворян – 12 помещиков, 4 чиновника, 1 адвокат; в Ошмянском уезде повстанческая организация насчитывала 31 человек, из которых 21 дворянин: 7 (без указания рода деятельности), 11 помещиков, 2 адвоката и чиновник [13, л. 42–43; 3, с. 77–79; 11, л. 13–16; 29, с. 35–39; 30, с. 105–114]. Таким образом, общее участие дворянского слоя в повстанческих организациях составляет около 80 %.

Между тем, далеко не все представители дворянского слоя безоговорочно поддержали восстание. Среди них были и противники восстания, которые отказывались принимать в нем участие. Однако это не означает, что все они полностью оставались верны правительству. Скорее, здесь ряд представителей дворянства, особенно его крупных слоев, откровенно сомневались в успехе восстания и боялись в случае его неудачи потерять свое положение в обществе, а главное – поместья и крестьян. Так, предводитель дворянства Ошмянского уезда граф Иосиф Тышкевич неоднократно отказывался возглавить местных повстанцев, но, и не препятствовал им. Аналогичным образом поступил и предводитель дворянства Свенцянского уезда граф Мостовский [2, с. 195–197, 203].

Но, были случаи и прямой помощи властям. Так, при поимке беглых солдат польской армии в Минском уезде особо отличились местные дворяне Былино, Янковский и Казакевич, которые указом Николая I от 24 октября 1831 г. были награждены золотой медалью на Владимирской ленте. Корнет Гродненского гусарского полка граф Бржостовский (отец которого вошел в повстанческий комитет Дисненского уезда) «весьма отличился в сражениях противу польских мятежников» [21, л. 35; 1, с. 109]. Но такие случаи были единичными, и массовой помощи представителей дворянских слоев правительственным властям зафиксировано не было. Это можно объяснить тем, что значительная часть имущего дворянства Беларуси по своему менталитету, укладу жизни, религии все-таки относилась к полякам, что неизбежно должно было увеличить процент их участия в восстании. Так, по состоянию на 1863 г., среди 8194 помещиков Минской, белорусских уездов Гродненской и Виленской губерний, к католической вере принадлежал 7871 помещик, или 96,1 % [33, с. 45–47]. И это после целого ряда конфискаций имений помещиков по итогам восстания 1831 г.

Заключение. На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Дворянский слой населения выступил главным организатором и главным двигателем восстания 1831 г. Именно представители привилегированного сословия были основной руководящей и направляющей силой восстания. Среди дворянства стоит выделить помещиков, которые составили 36,7 % от общего числа представителей элитного слоя. Кроме того, среди самих помещиков значительную роль в восстании играли представители магнатских фамилий. Таким образом, можно сделать вывод, что представители самой влиятельной социальной группы дворянства играли ведущую роль в восстании, выступая своего рода «банком и мозгом» повстанцев. Как справедливо отмечает в своем исследовании О.В. Горбачева, помещики, являясь не

самой многочисленной, но наиболее влиятельной социальной группой, сконцентрировали в своих руках все ключевые должности в повстанческих администрациях [3, с. 134]. Наши выводы совпадают и с мнением моголевского, а затем и гродненского губернатора М.Н. Муравьева, писавшего Николаю I: «В главном же составе бунта все сии сословия руководимы были тайно и явно лучшими коренными дворянскими фамилиями и теми из владельцев, которые, служивши в разных случаях против России, сохранили тогдашние свои названия, мундиры и знаки отличия» [1, с. 355].

2. Мелкое неимущее дворянство, не оказало заметного влияния на события и оставалось в большинстве своем пассивным. Некоторую активность проявила шляхта, что можно объяснить неудовлетворенностью этой категории дворян своим социально-экономическим положением и воспоминаниями о былой «шляхетской вольности» при Речи Посполитой. Наконец, свежи и популярны были еще мечты о планах Наполеона по восстановлению Речи Посполитой. Правда, о том, что он не собирался их претворять в реальности, никого не интересовало.

Наиболее ярко себя проявили в восстании учащаяся молодежь и чиновники, в большинстве своем молодые люди, что можно объяснить активной жизненной позицией и романтизмом, присущими молодежи во все времена.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белоруссия в эпоху феодализма: сб. документов и материалов: в 4 т. / Под общ. редакцией В.В. Чепко, В.В. Шатилло / Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР, Институт истории АН БССР. – Минск: Наука и техника, 1979. – Т. 4. – 376 с.
2. Воронков, И.А. Польское восстание 1830–1831 гг. в Литве и Белоруссии: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И.А. Воронков. – М., 1951. – 429 с.
3. Гарбачова, В.В. Паўстанне 1830–1831 гг. на Беларусі / В.В. Гарбачова. – Мінск: БДУ, 2001. – 186 с.
4. Гарбачова, В.В. Удзельнікі паўстання 1830–1831 гг. на Беларусі: біябібліягр. слоўн. / В.В. Гарбачова. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2006. – 400 с.
5. Государственный архив Российской Федерации, г. Москва. Фонд 109. – Оп. 6. – Д. 448. О лицах, участвовавших в польском мятеже 1831 г.: ч. 111. – Общие сведения о действиях мятежников в Витебской и Могилевской губерниях.
6. Дьяков, В.А. Зайцев, В.М. Обушенкова, Л.А. Социальный состав участников польского восстания 1830–1831 гг. (по материалам западных губерний Российской империи) / В.А. Дьяков, В.М. Зайцев, Л.А. Обушенкова // Историко-социологические исследования. – М.: Наука, 1970. – С. 19–60.
7. Кропотков, Д.А. Жизнь графа М.Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно / Сост. Д.А. Кропотков. – СПб, 1874. – 549 с.
8. Митина, Н.П. Социальный состав участников польского восстания 1830–1831 гг. (по спискам эмигрировавших и скрывшихся от репрессий) / Н.П. Митина // Историко-социологические исследования. – М.: Наука, 1970. – С. 169–182.
9. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ) в Гродно. Фонд 4. – Оп. 2. – Д. 2. Списки участников восстания 1830–1831 гг.
10. НИАБ. Фонд 1. – Оп. 27. – Д. 64. Списки лиц, принимавших деятельное участие в польском восстании 1831 г. и показания их, данные следственной комиссии.
11. НИАБ. Фонд 1. – Оп. 27. – Д. 65. Списки лиц, участвовавших в восстании.
12. НИАБ. Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 1116. Списки чиновников Гродненской губернии, участвовавших в польском восстании.
13. НИАБ в Минске. Фонд 561. – Оп. 1. – Д. 1. Общее дело мятежников по Дисненскому уезду.
14. НИАБ. Фонд 561. – Оп. 1. – Д. 2–5. Алфавитный список участников восстания 1831 г.
15. НИАБ. Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 5240. О доставлении сведений о действиях повстанческих отрядов в белорусских губерниях.

16. НИАБ в Гродно. Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 1128. Список о количестве помещиков и дворян, владевших в Гродненской губернии имениями; о содержании под арестом лиц, участвовавших в восстании 1831 г.
17. НИАБ. Фонд 1. – Оп. 20. – Д. 489. Списки помещиков Гродненской губернии, участвовавших в польском восстании 1831 г.
18. НИАБ. Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 192. Алфавитный список участников восстания 1830 г.
19. НИАБ в Минске. Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 3. Дело о 84 мятежниках, имений которых не оказалось.
20. НИАБ. Фонд 1. – Оп. 27. – Д. 295. Переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края об аресте церковнослужителей, учителей и учеников, участников польского восстания 1831 г.
21. НИАБ. Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 386. Дело по рапорту Минского земского исправника о пойманных в Минском уезде беглых польских солдатах.
22. Радзюк, А.Р. Канфіскацыя прыватнай уласнасці на Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст.: дыс. ...канд. гіст. навук: 07.00.02 / А.Р. Радзюк. – Мінск, 2006. – 114 с.
23. Радзюк, А.Р. Лёс Сапегаўскай маёмасці на Беларусі пасля паўстання 1831 г. / А.Р. Радзюк // Леў Сапега (1557–1633) і яго час: зборнік навуковых прац / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: С.В. Марозава [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2007. – С. 351–355.
24. Радзюк, А. Паўстанне 1831 г. на Ваўкавышчыне / Ваўкавышчына. Краязнаўчы часопіс. – 2007. – № 3. – С. 7–12.
25. Смяховіч, М. Арганізацыі і асобы. Паўстанне 1830–1831 гг. на Беларусі / М. Смяховіч // Польша. – 1996. – № 4. – С. 218–234.
26. Улащик, Н.Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии / Н.Н. Улащик. – М.: Наука, 1965. – 479 с.
27. Федорук, А.Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А.Т. Федорук. – Минск: БелЭн, 2004. – 576 с.
28. Brezgo, B. Odglosy powstania 1830–1831 roku na Witebszczyźnie i Inflantach / B. Brezgo // Pamiętnik V powszechnego zjazdu historyków polskich w Warszawie 28 listopada do 4 grudnia 1929 r. – Lwów: Nakładem Polskiego towarzystwa historycznego, 1930. – S. 369–385.
29. Dangel, S. Rok 1863 w Minszczyźnie. T. 2. / S. Dangel. – Warszawa: Wyd. Instytutu badania ziem wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej, 1925. – 189 s.
30. Mienicki, R. Powstanie w Radoszkowiczach w r. 1831 / R. Mienicki // Ateneum Wilenskie. – 1925. – Rok III. – S. 105–145.
31. Sliwowska W. Zesłancy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: Słownik biograficzny / Inst. hist. PAN. – Warszawa: DiG, 1998. – 835 s.
32. Schmidt W. Geneza prywatnej rosyjskiej własności ziemskiej w b. guberniach Wilenskiej, Grodzkiej i Minskiej (1793–1875). – Warszawa, 1923. – 102 s.
33. Szczerbicki, E.W. Rok 1831 w powiecie Oszmianskim / E.W. Szczerbicki // Rocznik: Rok szkolny 1926/27 Państwowy gimnazjum koedukacyjny humanistyczny im. Jana Śniadeckiego w Oszmianie. – 1927. – S. 7–60.

Материал поступил в редакцию 03.11.10

KARPOVITCH O.V. Participation of nobility of Belarus in revolt 1830–1831

At research of socially-class structure of revolt 1830–1831 in territory of Belarus domestic experts (the Russian and Belarus scientists in this case mean) practically were not taken into consideration materials of the Belarus archives in Grodno and Minsk. In given article on the basis of materials of National historical archive of Belarus in Minsk and Grodno, the numerous published sources, is conducted complex research of participation of all layers of nobility in revolt in territory of modern Belarus. Many data specified in article, is presented on the basis of personal calculations of the author and introduced in a scientific turn for the first time.

УДК 672.08

Корзун М.С.

УНИЧТОЖЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯТЫНЬ В КОСОВО-МЕТОХИИ – РЕЗУЛЬТАТ АГРЕССИИ СТРАН НАТО ПРОТИВ ЮГОСЛАВИИ

«Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут»
(Мф. 26, 52) [1]

Цель – показать различие и взаимодействие триады «религия – религиозно-социальная концепция – политическое решение». В Социалистической Федеративной Республике Югославии и странах НАТО, в результате военной агрессии которых равноправный член ООН разделен на ряд независимых республик, граждане исповедуют разные ветви христианства и мусульманства. Православие, католицизм, протестантизм (последний разделен на множество ответвлений – лютеранство, кальвинизм и прочие) имеют общую основу – Библию, книги Священного писания Ветхого и Нового завета. В течение двухтысячелетнего существования христианства путем истолкования этих книг (по-латински интерпретации, по-древнегречески, согласно употреблению понятия Аристотелем и апостолом Павлом, герменевтики) созданы соответствующие теологические системы, которые обосновывают указанные выше самоназвания религий. В самоназваниях «Русская православная церковь», «Римско-католическая церковь», Сербская православная церковь отсутствует их общая основа. Поэтому и в отношении других церквей и соответствующих теологий в сообщении всегда употребляется понятие

«христианская». Никакая попытка сокращения или улучшения стиля текста не может быть оправдана.

В истории отношений между государствами и церквями, которые клялись почитанием христианских ценностей, нарушался и сегодня постоянно попирается завет Иисуса не применять меч даже в свою абсолютно обоснованную защиту. И в 21 веке отсутствует эффективный постоянно действующий диалог по укреплению мира и предотвращению войн. Дополнение «христианская» к самоназванию Римско-католическая церковь, как и ко всем прочим потерявшим общую христианскую основу в веках борьбы, чрезвычайно актуально.

Аналогичная ситуация сложилась и в исламе, или мусульманстве, разделившемся на суннизм и шиизм, которые, в свою очередь, имеют отдельные направления. Рассмотрение этих проблем – предмет теологии.

Никто не имеет права вмешиваться в трактовку вероучений, в богослужебную практику любой религиозной организации. Но когда речь идет об использовании любой религии в политических целях, что само собой понятно, не является религией и должно быть назва-

Корзун Михаил Семенович, кафедра истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Беларусь, БГУ, 220050, г. Минск, пр. Независимости, 4.